

МЕТАФОРНИМЫ: В ПОИСКАХ ТОЛКОВАНИЯ

О. О. Борискина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2010 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка постановки проблемы толкования криптоклассного распределения имен. На фоне общих вопросов произвольности языковой категоризации и сочетательного выбора слова обсуждаются особенности метафоронимов ближней и крайней периферии криптоклассов.

Ключевые слова: метафороним, коллострукция, корпусные данные, языковая картина мира, именной криптокласс.

Abstract: this paper offers an attempt to interpret the cryptotype distribution of nouns. On the background of the issues of arbitrariness of lexical selectivity in linguistic categorization the features of metaphor-driven cryptotype members of close and distant periphery are discussed and illustrated.

Key words: metaphor-driven, collocation, corpus data, noun categorization, noun cryptotype.

Данная работа продолжает цикл статей [1; 2], посвященных исследованию криптоклассов английских имен. Криптоклассом имен мы называем скрытый лексико-грамматический класс, включающий имена разной лексической семантики, обозначающие сущности физического и психического миров, которые категоризируются языком однотипно, по аналогии с неким эталоном. Таким образом, в криптоклассе представлены не только предметные имена, или *имена-эталона*, в семантике которых мы реально выделяем «прототипический категориальный признак», соотнесенный с именным классом, но и имена, которым язык условно приписывает категориальный признак, и которые могут «менять класс» по законам метафоры – *метафоронимы*. К примеру, *stick, needle, rod* являются именами-эталонами английского криптокласса *Res Longa* (категориальный признак – ‘длинно-острая форма’). *Light, sight, theory, etc.* – метафоронимы данного криптокласса. Их можно выявить, поскольку приписываемый этим именам признак проявляется в диагностирующих коллострукциях¹, ассоциирующихся с определенным криптоклассом. А возможно ли предложить толкование криптоклассному распределению имен?

Анализ коллострукций, диагностирующих криптокласс(ы), направлен на реконструкцию криптокласс(ов). Реконструировать криптокласс – значит, не только установить, какие имена являются его эталонами и метафоронимами, не только описать его ядро и периферию, но и обосновать легитимность

его выделения и предложить объяснение «загадкам» его устройства. Заметим, что большинство исследований, посвященных метафорам, в том числе и в когнитивном аспекте (Дж. Лаков, З. Ковечеш [3] и др.), не рассматривают и не отвечают на «Почему-вопрос». На этот факт обратила внимание Н. Г. Брагина: «Почему эмоции уподобляются текучему телу (наблюдение Н. Д. Арутюновой), а воля – твердости? Совершенно очевидно, что наблюдение над несвободной сочетаемостью дает полное основание для такой аналогии. Но при этом возникает вопрос: можно ли говорить о произвольности языкового выбора данной аналогии или же существуют причины, обусловившие такой выбор?» [4, с. 294].

Попытка ответить на «Почему-вопрос», т.е. перейти от констатации фактов к их объяснению, переводит разговор из области онтологии в область гносеологии. По мнению Н. Г. Брагиной, такой разговор возможно вести, «только если выйти за пределы *чисто семантического* описания и рассматривать языковые единицы как результат взаимодействия (диалога) языка и культуры» [4, с. 294–295]. Чисто семантическому описанию можно противопоставить *палеосемантическое*. В этом случае акцент делается на реконструкции словарных (именных) классов по имеющимся в современном языке «останкам» жизненного цикла слова². И здесь перед исследователем встает не один «Почему-вопрос», а скорее, комплекс вопросов, связанных с *выбором того пути*, по которому идет языковая категоризация, закрепленная в *узусе*. К тому же, наряду с сущ-

¹ Подробнее о применении коллострукций (термин Грива и Стефановича) в криптоклассном исследовании см. [1].

© Борискина О. О., 2011

² О жизненном цикле слова см. в работе А. Поликарпова [6].

ностными вопросами, например, «Почему эмоции уподобляются не только текучему телу, но и огненному [5], острому (пример 1), твердому?», возникают и методологические.

(1) *He managed to grip her wrist as the horror stabbed through him;*

<...> ужас пронзил его;

Lamott writes that when she thought about it, she was stabbed with grief;

Она была убита (букв. заколота) горем.

Действительно, наблюдения над узусом и нормой дают основания для теории, так как позволяют установить, какие стороны категоризируемого явления осмысливаются языковым коллективом как наиболее существенные и значимые. Но если мы имеем дело не с нормой и узусом, а с системным потенциалом (крайней периферией) и индивидуальным «словотворчеством»? Насколько ценно наблюдение над «оказиональной» сочетаемостью для лингвистической теории?

Проанализируем, что криптокласс Res Longa (длинно-острое) может «рассказать» нам об ассоциативных связях абстрактных явлений с длинно-острой формой. В результате контекстного анализа диагностирующих коллострукций криптокласса Res Longa установлено членство в криптоклассе 256 из 485 абстрактных имен. Это – метафоронимы криптокласса. Для каждого имени был рассчитан индекс периферийности, что позволило выделить ядро и периферию (ближнюю, дальнюю, крайнюю) криптокласса.

Поскольку имен с индексом периферийности (ИП), равным 1, в этом криптоклассе не выявлено, мы будем говорить о ядерных именах как об именах ближней периферии. Абстрактные имена *light* (свет), *pain* (боль), *memory* в значении ‘a particular recollection of an event’ (воспоминание) и в значении ‘the ability of the mind to store and recall past sensations’ (способность ума хранить воспоминания), *word* (слово), *question* (вопрос) расположены на ближней периферии криптокласса. Сравнив предметные и абстрактные имена ближней периферии, которым присущ английский криптокласс Res Longa, мы обнаружили, что, данные метафоронимы находятся ближе к ядру криптокласса, чем большинство имен-эталонов, например: *stick, spear, spire, stake, tusk, pin, tine, skewer, prickle, etc.* Как видим, центральность не тождественна эталонности.

Характерно, что чем ближе к ядру находится имя, тем легче предложить толкование его криптоклассному членству. Так, имя *light* – метафороним самой ближней периферии Res Longa, что вполне ожидаемо. В мифологии и мировой культуре свет ассоциируется в первую очередь с лучом (*ray* ← *radius Lat.*). Язык, в нашем случае английский, будучи источником зна-

ний о природе света, оформляет такое его качество как остроконечность самыми разными способами (примеры 2). И только в двух коллострукциях такое знание не кодируется: [object is pungent] и [object is poignant]. Как можно объяснить этот факт? Возможное объяснение: обе коллострукции закреплены за неприятными незрительными ощущениями, тогда как свет естественно ассоциируется со зрительным восприятием, и не только в англоязычной культуре. Для передачи болевых ощущений (например: свет, режущий глаза, бьющий в глаза) в английском языке используются коллострукции [a pointed object stabs smb/smith] или [a pointed object jabs smb/smith] (пример 3).

(2) <...> *in the sharp light of the descending moon his boat drifted gently away;*

Light pierced the room's latticed screens;

A beam of glowing red light speared me in the chest, drilling a hole the size of a basketball through;

(3) *Ferocious light stabbed her eyes; Yellow hallway light jabbed his eyes.*

Фрагменты смыслового континуума, которые обозначаются именем *memory*: память как способность или воспоминание как ретроспективный образ события в сознании, также ассоциируются с длинно-острым. Каждый из нас ощущал на себе, как *колются воспоминания*. Память была предметом философских размышлений (например, в работах Аристотеля, П. Флоренского, Ю. М. Лотмана) и объектом лингвокультурологического и концептуального анализа [4; 7]. В частности, Е. С. Кубрякова обратила внимание на несовпадения между лексикографическим описанием памяти и его употреблением (устойчивой метафорической сочетаемостью). «Обороты *память слова* начинают цепь представлений о ней как об определенномместилище... и, пожалуй, концепт *ЛОС* становится главным для конструкций в обыденной речи. <...> Хотя лексикографически этот компонент не отмечен, фактически он маркирует огромное количество случаев употребления слова» [7, с. 87]. Не менее важными для англоязычной культуры, по результатам нашего анализа, являются прочные ассоциации памяти и воспоминания с длинно-острой формой. Это проявляется в том, что *memory* в «обыденной американской речи» (т.е. по данным корпуса американского английского языка СОСА) часто встречается в конструкциях, диагностирующих криптокласс Res Longa (примеры 4).

(4) *short-term memory is sharpest around 7 in the morning;*

Suppose he had kept trying – Memory stabbed her again;

She missed that man. Sometimes his memory would spear her;

In an instant, memory pierced him;

Dr. Jenkins also has a very poignant memory of Mrs. Kennedy sometimes standing next to him.

Исследование памяти как субъекта внутреннего мира человека позволили Н. Г. Брагиной прийти к выводу о том, что «формы языковой концептуализации памяти корелативны представлениям о памяти, берущим начало в древности». Так, например, фразеология русского языка *наследует* или согласуется с теми представлениями о памяти, которые были созданы в Античности [4, с. 50]. Фактически речь идет о свойстве заимствования или нового значения слова наследовать сочетательные признаки донорского слова или материнского значения. О наследовании культурных моделей в языке см., в частности, работу Дж. Лакова и З. Ковечеша [3]. Реконструкция именных криптоклассов английского языка дает возможность проследить наследственную изменчивость абстрактных имен английского языка, и в этом смысле криптокласс следует рассматривать как носитель «скрытой памяти» слова³.

Теперь попытаемся предложить толкование метафоронимам крайней периферии. Это имена с низким ИП,okkaзионально (< 3 примеров в СОСА) употребляющиеся *только* в одной классифицирующей коллострукции.

Рассмотрим метафоронимы, которые встречаются в СОСА исключительно в коллострукции [a sharp object]. Такие сущности и свойства (в порядке следования в примере 5), как требование, сопротивление, полемика, нехватка, нужда, способности и др. (всего 70 имен), ассоциируются с остротой.

(5) *Again he waited and called out "Police" in answer to her sharp demand to know who was there;*

And nowhere is the environmental resistance sharper than in this fishing-dependent, rain-forested region, where the Sierra Club Legal Defense;

<...> and there is sharp dispute over how much money is worthwhile;

Still, this season's sharp deficit will be only the latest of several;

The need for her, sharp and edgy as a knife, peeled away the layers of...;

Oddly, Mr. Jacobs retains his sharp ability to do precise mental exercises. Can you try some arithmetic problems for me <...>

Показательно, что именно эта коллострукция, а также [a pointed object is sharp] наиболее характерны для метафоронимов криптокласса Res Longa. Совместная встречаемость абстрактных имен и *sharp* в СОСА составила 2790 словоупотреблений, что на порядок выше, чем показатели совместной встреча-

емости имен с другими классифицирующими леммами. Однако, как известно, данные коллострукции описывают и режущие предметы (с острым краем), что следует учитывать при толковании крайних метафоронимов. Заметим, что если информанты единодушно подтвердили возможность появления имен крайней периферии в [a pointed object is sharp], их мнения по поводу коллострукции [smb. sharpens a pointed object] или [a pointed object pierces smth] разделились. Многие поместили потенциальные предложения (примеры 6) как необычные, но возможные («uncommon but maybe»). Треть испытуемых расценила их как маловероятные «unlikely to collocate with». Здесь следует пояснить, что именно «маловероятность», оригинальность отдельных выражений на фоне правильной речи может обеспечить «нужный» риторический эффект, позволяющий воздействовать на слушателя.

(6) **He has sharpened his ability to do precise mental exercises;*

*His ability to do precise mental exercises pierced their doubt <...>.

*They sharpened their environmental resistance;

*She sharpened her demand to know who he was;

*Her demand pierced his placidity.

Менее ожидаемо для русскоязычного сознания вхождение в криптокласс имен *glory* (слава), *aim* (цель), *management* (управление), *talent* (талант), *exception* (исключение), *choice* (выбор), *temper* (нрав), *instinct* (инстинкт), *violence* (жестокость), *shift* (сдвиг), *service* (услуги), *limit* (предел), *break* (разрыв), *space* (промежуток), *growth* (рост), *action* (действие) (примеры 7).

(7) *Seventy-six years later, when the next big earthquake hit, City Hall's sharp glory had been dulled by decades of grime and disregard;*

Skeptics in the U.S. Congress have taken sharp public aim at the meetings between State Department officials and FARC representative;

But it takes planning and sharp management to make it worthwhile;

Jones' knack for spotting sharp talent is something he's been quietly demonstrating most of his political career.

Bush forcefully defended his policy and took sharp exception to Perot's accusations;

I want to talk tonight about the sharp choice I intend to offer Americans this fall, the president began his 57-minute speech;

Now Hamilton knew Dewey, a little man with a big ego and a sharp temper, and had a good idea how the New York district attorney would react to <...>;

³ С теоретической разработкой проблемы «скрытой памяти» языка можно ознакомиться в работе [8].

her rise to power in Wasilla allowed her to hone the sharp political instinct that has guided her since; With its mixture of idealism and limited but sharp violence, this latest uprising was more like the Ukrainian Orange Revolution than the Castro-style putsch

Oscar-winning performance – is ultimately a valentine to Elizabeth II, and reflects the sharp shift in public opinion.

Restaurant, called Vau, a handsome room with a modern barrel-vaulted ceiling, sharp service, and fresh, light German cooking.

Thus, there is an implication that there is a sharp limit to the degree to which a secular mental health perspective can be privileged over religious;

Schmoke's sharpest break with Glendening involves a much-debated private conversation the two men had in 1996;

To prosper in the face of these trends, Africa would need sharp growth in crop yields;

A space in between each word, a sharp space. He was white and clipped

If it is determined that those things are true, swift and sharp action will be taken.

Естественно, возникают вопросы. Во-первых, по существу: если все эти сущности ассоциируются с длинно-острой формой, почему в узусе отсутствуют примеры функционирующей формы? Почему, если требование *острое* (пример 5), им нельзя *уколоть*? Или почему своими способностями нельзя *проткнуть* недоверие и сомнение окружающих, а сопротивление или борьбу – *воткнуть* в «тело» ненавистного режима? Как объяснить предельно низкие показатели криптоклассного членства данных имен? Произвольностью выбора имени? Какова вероятность того, что эти метафоронимы появятся в других коллострукциях криптокласса?

Во-вторых, насколько методологически оправданно использование окказионализмов в построении теории? Ответить на второй вопрос можно так: «Максима “болезнь демонстрирует, какова норма” справедлива и в более общей формулировке: “необычное выявляет обычное”. Наука не случайно интересуется эксцессами и малочастотными явлениями: они способны обнажить основной феномен» [9, с. 11]. Малочастотные явления – в нашем случае крайняя периферия криптокласса – используются для составления криптоклассного портрета имени, что позволяет ранжировать («взвесить») его криптоклассы по вероятности появления в тексте, находить объяснение именно данному набору криптоклассов, а также прогнозировать появление так называемых авторских метафор. Действительно,

индивидуальное словоупотребление ограничено в своей свободе социально значимыми смыслами, необходимыми для понимания. Создавая новый (метафорический) образ, индивид вынужден следовать логике языка (т.е. интуитивно апеллировать к социально значимым смыслам), чтобы его понимали. Поэтому индивидуальное в норме – это отдельное, в котором присутствует общее.

Чтобы ответить на вопросы первого блока, требуется выйти за пределы одного криптокласса и рассмотреть другие криптоклассные проекции имени (т.е. составить его криптоклассный портрет). Во всех реконструированных на настоящий момент криптоклассах, кроме Res Parva (категориальный признак – мелкий предмет), *ability* представлено на крайней периферии. Более того, по данным нашего исследования, это имя не только относится к средней периферии Res Parva, но и максимально активно в коллострукциях, диагностирующих Res Parva. Соответственно, сочетательный потенциал имени *ability* с большей вероятностью будет реализовываться в коллострукциях Res Parva. Таким образом, произвольность выбора имени ограничена его криптоклассным статусом.

Рассмотрим метафоронимы крайней периферии в других коллострукциях криптокласса. Имена *culture* (культура), *threat* (опасность), *grace* (грация) окказионально встречаются в [a pointed object penetrates smth/smb] и [a pointed object penetrates into/through smth/smb] (примеры 8). Подобные предложения – результат «скрытой памяти» языка или случайные связи? Как относиться к подобным явлениям (а это 20 % материала): игнорировать или искать объяснение?

(8) <...> *God's grace must penetrate to the core of our being;*

Although it was long believed that European culture did not penetrate rural areas in the Levant, excavations of villages and farmsteads with

The threat seemed to penetrate Brynn's trance, and his eyes refocused.

Единственным свидетельством категоризации эмоциональных состояний ужаса и горя является употребление имен *horror* и *grief* в коллострукции [a pointed object stabs through smth/smb] и инструментальной [to stab smth/smb with a pointed object] (пример 9). Очевидно, в англоязычном сознании они связаны по эффекту воздействия на человека (подобно длинно-острому), но насколько прочны подобные связи?

(9) *He managed to grip her wrist as the horror stabbed through him;*

<...> *ужас пронзил его*

Lamott writes that when she thought about it, she was stabbed with grief.

Имя крайней периферии *theory* (созерцание и размышление) встречается в единственной диагностирующей коллострукции [a pointed object points at/to(wards) smth] в восьми примерах в СОСА (пример 10).

(10) *One theory points to the misuse of antibiotics.*

Можно ли этот факт расценивать как достаточное свидетельство ассоциативных связей между такой сложной ментальной деятельностью, как теоретизирование, и длинно-острым предметом? Почему одни ментефакты (*thought, memory, image, sense, sight, view*) расположены на ближней или средней периферии криптокласса, другие (*theory*) – на крайней, а *guess* – вне *Res Longa*? Всегда ли вхождение в криптокласс показывает «древние» ассоциативные связи сущности и знака? Может ли знак (слово) «внедряться» в нетипичные для него ранее конструкции? Если да, при каких обстоятельствах?

Мы можем констатировать, что теория осмысляется в англоязычной культуре как длинно-острое, но такое языковое знание нельзя назвать существенным и значимым. Возможно, в процессе коммуникативного обращения в англоязычной культуре (первое упоминание слова в письменных текстах датировано 1600 г.; OED) данная криптоклассная проекция имени *theory* оказалась менее востребованной, чем другие. Например, в криптоклассе *Movens* (самостоятельно перемещающиеся) или *Res Parva theory* – метафороним средней периферии. Можно предположить, что слово употреблялось в ограниченных кругах (данная сущность вторичной реальности сознания не является насущной, как свет, боль или взгляд) и имело ограниченную сочетаемость, т.е., сочетательный потенциал слова растрчивался в строго определенных коллострукциях, необходимых для понимания. Низкая активность имени в криптоклассе *Res Longa* на фоне достаточно высоких показателей в других криптоклассах может свидетельствовать и о том, что имя могло «внедриться» в нетипичную для него конструкцию [a pointed object points at/to(wards) smth]. Любопытно, что данная коллострукция вообще не характерна для ментефактов, тогда как для русскоязычной культуры типично направить взгляд или мысли в нужное русло; или говорить о том, что *взгляд, мысль, предположение, сомнение направлены на что-то*. Ментефакты в англоязычной культуре не ассоциируются с «указательной функцией» длинно-острого. Даже квазиментефакты *sight* и *view*, связанные со зрительным опытом, не встречаются в этой коллострукции. Что касается исключительной по частотности (9000 словоупотреблений в СОСА) коллокации *the point*

of view, она, по-видимому, являет собой нейтрализацию двух значений слова *point* (острие / точка).

В заключение разговора о произвольности языковой категоризации хотелось бы заметить, что общая формула бытия «случайность – это непознанная закономерность» должна быть справедлива и для языковых явлений. Поэтому представляется актуальным поиск закономерностей языковой категоризации, способов систематизации и формализации языковых знаний. Криптокласс систематизирует наивную языковую категоризацию смыслового континуума. Именно это обстоятельство делает криптокласс пригодным для нужд описания имен отвлеченного значения, которые представляют известную сложность с таксономической точки зрения. Даже если волевым решением исследователя абстрактное имя удастся классифицировать, теоретическая и практическая (прикладная) значимость таких построений остается открытым вопросом. К тому же, многие непредметные имена ограничены или лишены собственной сочетаемости (в понимании В. В. Морковкина), что затрудняет выявление и понимание закономерностей их дискурсивного поведения. Тезис о произвольности их синтагматического выбора не позволяет заняться решением задач лингвистического прогнозирования. Ю. Д. Апресян в своем докладе на конференции «Диалог –2008» подчеркнул злободневность «высоковоероятных предсказаний, которые можно делать на основании отдельных свойств лексем или их принадлежности к тем или иным семантическим классам и подклассам» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борискина О. О.* Классифицирующие структуры в криптоклассном исследовании / О. О. Борискина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 28–33.
2. *Борискина О. О.* Криптокласс английского языка «RES LONGA» / О. О. Борискина // Проблемы лексико-семантической типологии : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Кретьова. – Воронеж, 2011. – Вып. 1. – С. 124–144.
3. *Lakoff G., Kovecses Z.* The cognitive model of anger inherit in American English / G. Lakoff & Z. Kovecses // Cultural models in language and thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – P. 195–221.
4. *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М. : Языки славянских культур, 2007.
5. *Борискина О. О.* Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретьов. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003.
6. *Поликарпов А. А.* Циклические процессы в становлении лексической системы языка : моделирование и эксперимент : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Поликарпов. – М., 1998.

7. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова Память / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 85–91.

8. Николаева Т. М. «Скрытая память» языка : попытка постановки проблемы / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 25–41.

Воронежский государственный университет

Борискина О. О., докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: olboriskina66@mail.ru

9. Верещагин Е. М. Еще одна концепция религиозной коммуникации / Е. М. Верещагин // Язык, культура, общество. – М., 2009. – Т. 2. – С. 11–51.

10. Апресян Ю. Д. О проекте активного словаря (АС) русского языка / Ю. Д. Апресян // Труды международной конференции «Диалог–2008». – М., 2008. – С. 23–31.

Voronezh State University

Boriskina O. O., Post-doctoral research fellow, Department of Theoretical & Applied linguistics

E-mail: olboriskina66@mail.ru